

Н. Г. Носкова

*Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия*

noskovanatalia@inbox.ru

**ИДЕИ, ОСНОВАННЫЕ НА МИФЕ О ТАНГУНЕ,
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ**

На примере идей, берущих свое начало в мифе о Тангуне, рассматривается роль, которую мифология играла в сохранении и поддержании национальной идентичности корейцев после образования РК. Анализируются теоретические концепции в рамках конструктивистского подхода. Делается вывод о том, что «изобретенная традиция», связанная с образом Тангуна, отвечала условиям существования и функционирования сконструированной традиции, а ее реализация укладывалась в рамки направлений политики идентичности. Институционализация идей, основанных на мифе о Тангуне, реализовывалась через введение летоисчисления *танги* в качестве официального, установление праздника *кэчхонджоль* в качестве национального, признания идеи *хоникинган* основным понятием «образования», а также принятия официального изображения Тангуна и принципов описания периода корейской истории, с ним связанного. Такие примеры убеждают, что мифы, как часть традиционной культуры, продолжают существовать и функционировать в современном обществе. Однако их содержание трансформируется: значимыми становятся только те элементы, которые соответствуют задачам времени, – поддержания национальной идентичности, и соответственно на первый план выходит их идеологическая функция.

Ключевые слова: миф о Тангуне, национальная идентичность, *танги*, *кэчхонджоль*, *хоникинган*, изображение Тангуна.

На протяжении XX в. вопросы сохранения нации и поддержания национальной идентичности постепенно приобретали свою значимость, а в последнее время в связи с ускорением процессов глобализации решение их стало особенно актуальным, и поэтому они являются предметом активного обсуждения и исследования ученых.

Мифология на разных этапах своего существования выполняет определенные функции. На этапе становления общества наиболее важной являлась этиологическая функция. Так, мифы об основателях государств давали объяснения, как и когда были созданы первые государства, рассказывали о предках родов. Однако со временем эти мифы не утратили своей значимости. Можно сказать, что и сегодня некоторые из них продолжают существовать и функционировать, но теперь на первый план выходит их идеологическая функция. В этом случае сложно говорить о мифе в его первоначальной форме, его содержание корректировалось, значимыми становились те элементы, которые соответствовали требованиям времени. Необходимость в обращении к такого рода мифам возникает, в первую очередь, когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, а также в сложных политических и экономических обстоятельствах. Поэтому неудивительно, что в Корее именно в начале XX в. вновь обращаются к мифу о Тангуне, идеи, с ним связанные, получают новое рождение, а впоследствии после образования РК будут закреплены на государственном уровне. Они стали, с од-

Носкова Н. Г. Идеи, основанные на мифе о Тангуне, в контексте проблемы национальной идентичности в Республике Корея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 10: Востоковедение. С. 150–158.

ной стороны, фактором, который способствовал поддержанию национальной идентичности корейцев, а с другой стороны, ее важным компонентом.

При анализе процессов становления и поддержания национальной идентичности продуктивным представляется применение конструктивистского подхода. Еще Ф. Барт обозначил применение этого методологического подхода к происхождению этничности [Этнические группы..., 2006]. В рамках такого подхода этничность определяется как процесс социального конструирования общностей, который может быть основан, в том числе, на представлении об общей истории и мифе об общности происхождения.

Э. Хобсбаум, обращая свое внимание на традиции, также придерживается конструктивистского подхода. Он вводит понятие «изобретенная традиция», под которым понимает сконструированную и формально институционализированную традицию. ««Изобретенная традиция» – это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» [Хобсбаум, 2000. С. 48]. «Внедрение определенных ценностей и норм поведения» по сути является установлением социальных связей, символизацией членства в группах, разного рода общностях. Одним из условий достижения этой цели является ее связь с историей, хотя она может носить и фиктивный характер. Э. Хобсбаум подчеркивает, что обращение к прошлому и древности облегчает задачу признания идеи. «Интересным представляется использование старинных материалов для того, чтобы сконструировать изобретенную традицию нового типа, служащую новым целям» [Хобсбаум, 2000. С. 52]. Можно сделать вывод о том, что подобная историчность выполняет функцию легитимации.

На традицию как социально-политический конструкт и основу конституирования нации указывают многие исследователи, среди которых и И. В. Рудакова. Она, разграничивая традиции этнические и национальные, отмечает легитимацию как дополнительную цель национальной традиции (т. е. традиция есть условие существования нации), а также то, что национальная традиция может изменяться и ее можно конструировать. Нация «как исторически более новая форма общности людей формируется на уже существующем культурно-этническом фундаменте и в некоторой степени отражает существующие ранее традиции, продолжает их» [Рудакова, 2015. С. 199]. Подчеркивание именно того условия, что новая традиция имеет свои «корни» и появляется не на «пустом месте», представляется очень важным, иначе бы «внедрение» и «закрепление» ее было бы невозможным. Кроме того, к условиям, при которых сконструированная традиция могла бы выполнять свою задачу по формированию и поддержанию чувства национальной идентичности, относятся следующие ее качества: она должна быть связанной практически с повседневной жизнью, закреплена эмоционально с помощью символов, образов в сознании и постоянно воспроизводиться [Там же. С. 201].

Процесс конструирования традиций может быть рассмотрен и в рамках политики идентичности как «деятельности политических элит по формированию представлений о “мы-сообществе” в рамках административно-территориальных границ» [Цумарова, 2013. С. 36]. Основными направлениями такой политики являются «символизация и ритуализация принадлежности к пространству, формирование представлений о “мы-сообществе” и установление границ “свой-чужой”» [Там же. С. 37].

Как можно убедиться на приведенных ниже примерах, «изобретенная традиция», связанная с образом Тангуна, отвечает условиям существования и функционирования сконструированной традиции, а ее реализация укладывается в рамки направлений политики идентичности. Примеры таких «изобретенных традиций» можно найти во всех уголках мира. Интересно, что процессы, происходящие с трансформацией идей, связанных с мифом о Тангуне, на Корейском полуострове очень похожи на трансформацию культа почитания королей Хунгов во Вьетнаме (ср. [Григорьева, 2014]).

Однако, безусловно, в каждом конкретном случае традиция имеет свою специфику. Корейский исследователь Чон Ёнхун, опираясь на положения концепции Э. Хобсбаума, исследовал феномен институционализации идей, заложенных в мифе о Тангуне. Он обращал внимание на то, что если изобретенная традиция, о которой говорит Хобсбаум, создана для укрепления власти политической элиты и ей же принадлежит руководящая роль, то в случае с корейской традицией главная роль в ее создании принадлежит не власти и государству, а народным пат-

риотам, преисполненным национальными чувствами. Прежде чем новая традиция была зафиксирована на государственном уровне, она прочно укрепилась в массовом сознании [Чон Ёнхун, 2008. С. 190].

Институционализация идей, основанных на мифе о Тангуне, реализовывалась через введение летоисчисления *танги* в качестве официального, установление праздника *кэчхонджоль* в качестве национального, признание идеи *хоникинган* основным понятием «образования», а также принятие официального изображения Тангуна и принципов описания периода корейской истории, с ним связанного.

Традиция признания Тангуна основателем самого первого корейского государства Чосон восходит к 1281 и 1287 г., когда миф о Тангуне был зафиксирован в «*Самгук юса*» и «*Чеван унги*». В «*Чеван унги*» есть указание на то, что Силла, Когурё, Пуё, Северное и Южное Окчо, Восточное и Северное Пуё, Е, Мэк – все были потомками Тангуна, а следовательно, в этом источнике обозначена точка зрения, признающая Тангуна и время его правления за начало национальной истории [Чон Ёнхун, 2010. С. 405]. Во время династии Ли господствующей становится конфуцианская идеология, складываются определенные отношения с Китаем, и на первое место выходит идея почитания Киджа, а представление о том, что Тангун является символом начала независимой корейской истории, не получает своего широкого распространения. Однако, несмотря на это, в различных источниках того времени первая глава истории Кореи начиналась с Тангуна. Кроме того, есть упоминания и о проводимых ритуалах, посвященных Тангуну [Чон Ёнхун, 2008. С. 164].

Роль представлений о Тангуне как предке всех корейцев и времени его правления как о начале корейской истории не ограничивается только поддержанием национальной идентичности, они также имеют важное значение в консолидации сил для решения таких задач, как достижение национальной независимости и единства. Осознание этого пришлось на последний период существования Корейской империи и время японской оккупации, когда намеренно стала разворачиваться деятельность по распространению идей, связанных с верой в Тангуна. Поскольку такие идеи соответствовали условиям времени, они были быстро восприняты народными массами, а после образования РК были зафиксированы на государственном уровне [Там же. С. 165].

Примером того, какое место в XX в. после образования РК занимало представление о Тангуне, может служить летоисчисление *танги* (단기, 檀紀).

В Корею вплоть до конца XIX в. использовалось китайское летоисчисление. После воцарения в 1392 г. новой династии Ли с минским двором были установлены тесные связи в рамках так называемой даннической системы. Сразу после того, как Ли Сонге пришел к власти, к минскому двору был отправлен специальный посланник с просьбой пожаловать название страны. Аналогичные отношения были установлены позднее и с цинским Китаем. Условия этих отношений были определены после неудачной для Кореи войны с маньчжурами. По мирному договору Корея должна была отправлять в Пекин даннические посольства, испрашивать инвестицию каждому новому корейскому вану и использовать китайское летоисчисление [Забровская, 1987. С. 15]. Использование китайского летоисчисления в качестве официального свидетельствовало о закреплении так называемого сознания «маленького Китая» (소중화 의식, 小中華 意識), т. е. представления о Корею не как о самостоятельном и центральном государстве, а наоборот, как находящемся на периферии небольшом владении [Ким Бёнги, 2012. С. 76]. Провозглашение собственного летоисчисления свидетельствовало бы о равноправном с Китаем положении и получении, так же как и Китаем, мандата Неба [Чон Ёнхун, 2008. С. 165–166].

В Корею только с конца XIX в. начинает использоваться независимое летоисчисление: *кэуккивон* (개국기원, 開國紀元), *коян* (건양, 建陽), *кванму* (광무, 光武), *юнхи* (융희, 隆熙). Введение такого летоисчисления, а также провозглашение в то время страны империей, выбор нового названия для страны – все это было сделано с целью подчеркнуть свою древность, независимость, и должно было показать равное положение как с Китаем, так и с Японией. Однако это было демонстрацией независимости на государственном уровне, но не нацио-

нальном. Именно *танги* становится тем летоисчислением, которое стало отражением национальной идентичности корейцев [Чон Ёнхун, 2008. С. 166. Ким Бёнги, 2012. С. 77].

Танги – способ летоисчисления от года основания Тангуном государства. В зависимости от источника дата основания Тангуном государства несколько варьируется. Л. Р. Концевич, основываясь на «Самгук юса», приводит следующий критический перевод мифа о Тангуне: «На пятидесятом году по вступлении на престол Тан-Гао в год “кёнъин” (начальным годом вступления на престол Тан-Гао является год “муджин”; следовательно, пятидесятый год – это год “чонса”, а не “кёнъин”, в чем сомневаться не приходится) [Тангун] основал столицу в крепости Пхёнъянсон (ныне – Согён) и впервые назвал [страну] Чосон» [Концевич, 1984. С. 177]. В письменных источниках правления династии Ли наиболее часто встречающимся годом основания выступает 25-й год правления императора Яо «муджин». Как это указано в самом раннем историческом источнике периода Чосон, созданном по повелению вана, «Тонгук тхонгам» (동국통감, 東國通鑑), время вступления на престол императора Яо соотносится с годом «капчин» (по европейскому календарю – 2357 г. до н. э.), а 25-й год «муджин» (по европейскому календарю – 2333 г. до н. э.) – год основания Тангуном государства [Чон Ёнхун, 2008. С. 169]. Такое летоисчисление начинает использоваться примерно с 1905 г., а после образования РК согласно Закону № 4 от 25 сентября 1948 г. оно было принято в качестве официального (Куккапомнён...). Через 13 лет Законом № 775 от 2 декабря 1961 г. в качестве официального летоисчисления в РК принимается европейское. С 1 января 1962 г. в официальных документах исчезает *танги*. Причина изменения летоисчисления объяснялась трудностями, которые вызывало использование *танги* как на административном уровне, так и внешнеполитическом, а также тем, что в большинстве передовых стран используется именно европейское летоисчисление. Однако Ким Бёнги характеризует отмену использования *танги* как решение отойти от национальной идентичности [Ким Бёнги, 2012. С. 80]. Закон о летоисчислении, принятый 7 января 2014 г., повторяет закон 1961 г.

После отмены использования летоисчисления *танги* продолжаются движения, в основном сконцентрированные вокруг негосударственных организаций, за его возрождение. Подчеркивается, что возрождение *танги* не будет возвращением к национализму, а станет обращением к национальной гордости и возрождением национального духа [Там же. С. 74].

Интересно, что вопросы летоисчисления *танги* рассматриваются и в контексте проблемы объединения двух Корей. Ян Сынхэ показывает связь между летоисчислением, историческим сознанием и национальной идентичностью, подчеркивает, что летоисчисление, будучи символом исторического сознания, может стать действенным способом усиления национальной и государственной самобытности [Ян Сынхэ, 2007. С. 26–27].

Влияние мифа о Тангуне на национальную идентичность южных корейцев можно проследить на примере национального праздника *кэчхонджоль* (개천절, 開天節), дня образования первого корейского государства Тангуном, т. е. фактически он является символом начала корейской национальной истории и культуры. Этот праздник был одним из четырех национальных, которые были официально признаны Законом № 53 от 1 октября 1949 г. и установлены с целью празднования знаменательных для государства дней. Законом № 7771 от 29 декабря 2005 г. этот список пополнился еще одним праздником, 9 октября – День корейской письменности *хангыль*. Закон от 30 декабря 2014 г. повторяет предыдущий, и сегодня *кэчхонджоль* остается в списке национальных праздников.

Возражений в 1949 г. по поводу того, чтобы 3 октября установить праздник *кэчхонджоль*, практически не возникло, связано это было с тем, что так называемый «национализм Тангуна» как способ национального единения уже достаточно сильно закрепился в обществе. Возникли споры только относительно проведения его по лунному или солнечному календарю, окончательное решение было принято в пользу солнечного. После этого каждый год в день празднования *кэчхонджоль* поднимаются флаги на государственных учреждениях и домах, проходят официальные праздничные мероприятия. Мероприятия, организованные центральной властью, состоят из церемонии открытия, официальной части, речи председателя Комитета по составлению истории Кореи о создании государства, поздравления премьер-министра, исполнении песни *кэчхонджоль* и троекратного ура. До 1970 г. в районных административных органах, а также в школах отдельно проводились мероприятия, посвященные этому

празднику. Сейчас они практически не проводятся, однако остались разнообразные мероприятия неправительственными организациями [Чон Ёнхун, 2010. С. 422].

В последнее время высказывается мнение о том, что этот праздник не нужен, его необходимо исключить из числа национальных. Объясняется это тем, что праздников достаточно много, а также тем, что вера в Тангуна не является символом, связанным с национальной идентичностью, а находится в религиозной плоскости [Там же. С. 424].

Еще один феномен, который непосредственно связан с мифом о Тангуне и который нашел свое воплощение в южнокорейском обществе, – это идея *хоникинган*. Упоминание об этой идее есть только в двух источниках – «*Самгук юса*» и «*Чеван унги*». В записях периода династии Ли упоминаний о ней нет, в то время господствующей идеологией, как мы уже отмечали, было конфуцианство, и из рассказа о создании Тангуном государства повествование о Хванине и Хвануне было изъято [Чон Ёнхун, 2008. С. 178]. В критическом переводе, сделанном Л. Р. Концевичем по «*Самгук юса*», говорится следующее: «Давным-давно жил Хванин (так именовался Чесок). [Его] побочный сын Хванун часто думал о поднебесье и страстно жаждал [попасть] в мир людей. Отец, узнав о помыслах сына, высмотрел внизу [среди] трех отрогов [гору] Тхэбэк [и решил, что именно здесь тот] сможет доставить много пользы людям. И тогда [Хванин] вручил [сыну] три мандата неба и послал его управлять людьми» [Концевич, 1984. С. 175]. В той части, которая переведена как «доставить много пользы людям» говорится как раз об идее *хоникинган* (홍익인간, 弘益人間). В переводе она означает «приносить много пользы людям» или «много помогать людям». *Хоникинган* – выражение гуманистической идеи, когда главной ценностью является человеческое достоинство и счастье. Однако к этой идее обращаются только в XX в., в то время, когда возникла острая необходимость в национальной идее, которая могла бы снять как идеологическое, так и классовое противостояние [Чон Ёнхун, 2008. С. 180].

После образования РК эта идея была закреплена как основной принцип «образования» в первом пункте Закона об образовании от 31 декабря 1949 г. Там говорилось, что «целью образования является воспитание личности, приобретение умения жить независимо и качеств граждан, служение развитию демократического государства и вклад в реализацию идеи человеческого процветания в соответствии с идеей *хоникинган*» [Там же. С. 182]. Несмотря на возражения, например со стороны коммунистов и приверженцев западной идеологии, эта идея до сих пор остается основным понятием образования. В Законе об образовании № 13003 от 20 января 2015 г. во втором пункте, где объясняется цель образования, по-прежнему ключевую роль играет идея *хоникинган*.

В последнее время указывается также на важность идеи *хоникинган* в решении задач, связанных с поиском национальной идентичности, и задач, перед которыми стоит корейское общество XXI в.: объединение Юга и Севера и создание единой корейской национальной общности, нравственное очищение и объединение общества, успешное прохождение эпохи глобализации [Чон Ёнхун, 2002. С. 147].

Кроме рассмотренных примеров, когда идеи, связанные с мифом о Тангуне, нашли сначала свое отражение в корейской идентичности, а позднее были зафиксированы на государственном уровне, большой интерес к образу Тангуна в XX в. можно показать также на примере развернувшихся вокруг него дискуссий.

После образования РК в 1949 г. копия с изображения Тангуна, сделанная Чи Сончхэ с сохраненного Кану изображения, получив одобрение Национального собрания, была признана примером для изображения предка в РК. В 1976 г. правительством было принято решение, что признается только религиозное (*тэджонгё*) изображение. Но уже в 1977 г. правительство поручило обществу «*Хёнджонхве*» (общество, которое было создано в 1968 г. с целью утверждения национальной независимости на основе идей, связанных с мифом о Тангуне) создать изображение Тангуна, и 28 августа 1978 г. изображение, сделанное художником Хон Сокчханом, было принято в качестве образцового. Таким образом, возникла путаница. Правительство пояснило, что изображение общества «*Хёнджонхве*» – объект уважения, а то изображение, которое связано с религией *тэджонгё*, – объект веры [Им Чхэу, 2012. С. 53–55].

В середине 80-х гг. XX в. активно обсуждался вопрос о строительстве храма Тангуна в Сеуле. В феврале 1985 г. с целью поднятия национального духа у подрастающего поколения

было принято решение о строительстве такого храма. Но этот проект получил резкое сопротивление со стороны христианских организаций [Там же. С. 60].

В 1987 г. был также поднят вопрос об описании Тангуна в учебниках по истории. В это время Комитетом по составлению истории были подготовлены комментарии к составлению истории, в которых говорилось, что «миф о Тангуне будет рассматриваться с той точки зрения, что в нем отражены исторические факты». Однако протестантская церковь выступила против подобного описания мифа о Тангуне в учебниках истории и развернула целое движение [Там же. С. 61]. Этот конфликт попытался разрешить профессор И Манэль. Он отвергал точку зрения, что миф о Тангуне – это только миф, так как считал, что такое мнение – отражение колониального взгляда на историю, но также отвергал и то, что этот миф – исторический факт, видя в таком мнении отражение религии *тэджонгё*. И Манэль отмечал, что миф о Тангуне языком мифа передает исторические факты, что Тангун – титул правителя, а брак Хвануна и медведицы есть объединение двух племен. Такая точка зрения отражена и в современных учебниках [Пак Мёнсу, 2009].

Кроме того, необходимо отметить большое количество мероприятий и организаций, распространенных в РК и связанных с верой в Тангуна, которые могут свидетельствовать о значении идеи Тангуна в сознании современных корейцев. В восприятии Тангуна выделяют три основных направления. Согласно первому, Тангун – божество, такого взгляда придерживаются различные религиозные организации: *тэджонгё* (национальная религия), *тангунгё*, *кэчхонгё*, *кэчхонминджокхва* и т. д. Согласно второму, Тангун – исторический герой, предок нации, который, объединив племена, создал государство Древний Чосон и управлял им в соответствии с идеей *хоникинган* (общество «Хёнджонхве», Федерация общественных организаций страны «Чонгук сахветанчхе чхонёнханхве»). Третье направление считает, что Тангун – персонаж фестивалей, которые проводятся в основном местными органами самоуправления, их целью является поддержание национального духа (ежегодный фестиваль, проводимый на горе Марисан острова Канхвадо, ежегодно проводимые ритуалы в честь неба и Тангуна на горе Тхэбэксан и др.) [Ким Ёйсук, 2007. С. 505–506].

Таким образом, приведенные примеры убеждают в том, что идеи, заложенные в мифе, находят свое новое рождение, становятся, по сути, «изобретенной традицией» и частью политики идентичности, активно используются при решении задач, связанных с поддержанием национальной идентичности, а также позволяют судить о роли традиционной культуры в сохранении и поддержании национальной идентичности.

Список литературы

Григорьева Н. В. Короли Хунги и «изобретение традиций» в истории Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2014. № 4. С. 227–249.

Забровская Л. В. Политика Цинской империи в Корее: 1876–1910 гг. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 131 с.

Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 173–192.

Рудакова И. В. Традиция как основа конституирования нации // Гилея: научный вестник. 2015. № 93 (2). С. 198–201.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

Цумарова Е. Ю. Основные направления политики идентичности: конструктивистский подход // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2013. Т. 2, № 7 (136). С. 36–38.

Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.

Им Чхэу. Хэбан ху тангун инсик-ый пёнхва-ва мундже [임채우. 해방 후 단군 인식의 변화와 문제 // 선도문화. 2012. № 12]. Изменение представлений о Тангуне после Освобождения Кореи // Сондо мунхва. 2012. № 12. С. 47–71.

Ким Бёнги. Тангиёнхо-ва тэханмингук имсиджонбу [김병기. 단기연호와 대한민국임시정부 // 선도문화. 2012. № 12]. Летоисчисление *танги* и временное правительство Республики Корея // Сондомунхва. 2012. № 12. С. 73–93.

Ким Ёйсук. Тангунсинан-ый хёнсон-гва чонгэ [김의숙. 단군신앙의 형성과 전개 // 강원민속학. 2007. № 21]. Формирование и развитие веры в Тангуна // Канвонминсокхак. 2007. № 21. С. 493–524.

Пак Мёнсу. Тангунсан, чонгё усанинга ёксаджок чохёнмурина [박명수. 단군상, 종교 우상인가 역사적 조형물인가 // 크리스천투데이 08.12.2008]. Скульптура Тангуна, это религиозная или историческая скульптура // Кхырысычхон тхудеи. 08.12.2008. URL: <http://www.christiantoday.co.kr/view.htm?id=205654>

Чон Ёнхун. Хангукин-ый чончхесон-гва хоникинган инём [정영훈. 한국인의 정체성과 흥익인간이념 // 고조선단군학. 2002. № 6]. Идентичность корейцев и идея *хоникинган* // Ко Чонсон Тангунхак. 2002. № 6. С. 145–169.

Чон Ёнхун. Танги ёнхо, кэчхонджоль куккёниль, хоникинган кёюкинём: хёндэ хангук-эсый тангунминджокчуый-ый чедохва-е кванхан ёнгу [정영훈. 단기 연호, 개천절 국경일, 흥익인간 교육이념: 현대 한국에서의 단군민족주의의 제도화에 관한 연구 // 정신문화연구. 2008. № 31(4)]. Летоисчисление *танги*, государственный праздник *кэчхонджоль*, идея «образования» *хоникинган*: институционализация «национализма Тангуна» в современной Кореи // Чонсинмунхва ёнгу. 2008. № 31(4). С. 163–193.

Чон Ёнхун. Кэчхонджоль, кы 'мандыроджин чонтхон'-ый юрэ-ва чхуи кыриго пэгён [정영훈. 개천절, 그 '만들어진 전통'의 유래와 추이 그리고 배경 // 고조선단군학. 2010. № 23]. *Кэчхонджоль*, основы этой «созданной традиции», изменения и контекст // Ко Чосон Тангунхак. 2010. № 23. С. 401–444.

Ян Сынхэ. Тангиёнхо-ва тхоньиль: ёнхо чеджон-гва пхеджи-ый нам-пукхан чончхиса-ва ёксаыйсик, кыриго тхонильгукка-ый чончхесон мундже [양승태. 단기연호와 통일: 연호 제정과 폐지의 남·북한 정치사와 역사의식, 그리고 통일국가의 정체성 문제 // 한국정치학회보. 2007. № 41 (2)]. Летоисчисление *танги* и объединение: утверждение и отмена летоисчисления в политической истории и историческом сознании Северной и Южной Кореи, вопрос идентичности объединенного государства // Хангук чончхи хакхвебо. 2007. № 41 (2). С. 25–46.

Список источников

Куккапомнён джонбо сентхо [국가법령정보센터]. Информационный центр по корейскому законодательству. URL: <http://www.law.go.kr/main.html>

Natalia G. Noskova

*Tomsk State University
36 Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

noskovanatalia@inbox.ru

**IDEAS SHAPED BY THE TANGUN MYTH
IN THE VIEW OF THE PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY
IN THE REPUBLIC OF KOREA**

By the examples of ideas that are shaped by the Tangun myth, the article observes the role of mythology in solving problems, such as conservation and maintenance of national identity, after the Republic of Korea was established. It was concluded by means of the analysis of the theoretical concepts within the constructivist approach that the ‘invented tradition’, which is associated with the image of Tangun, relates to conditions of existence and functioning of constructed tradition and its implementation fits into the framework of identity politics.

After establishment of the Republic of Korea, the ideas connected to the Tangun myth were institutionalized. The institutionalization was implemented through the enactment of *tangi* chronology (which starts from the era of Old-Joseon’s foundation by Tangun) as official; the establishment of holiday *kaecheonjeol* (this holiday celebrates the formation of the first Korean state of Old-Joseon in 2333BC) as a national and the recognition of the *honikingan* ideology (‘benefit broadly the human world’) as the basic concepts of education. The use of chronology *tangi* as official lasted only thirteen years, but some Korean researchers look at *tangi* as representation of Korean national identity. After the abolition of *tangi*, movements for its revival were continued. Activists of these movements suppose that it will revive the national spirit. Also, there are articles that observe the role and the meaning of *tangi* in the context of reunification of two Koreas. In contrast to *tangi*, holiday *kaecheonjeol* and the *honikingan* ideology remain fixed at the state level. Despite the fact that in recent years it has been suggested that holiday *kaecheonjeol* is not needed and it should be excluded from the list of national holidays, it still remains in it. The *honikingan* ideology still plays a key role in the Education Act (20th January, 2015).

The discussion around the formal image of Tangun and the principles of describing the Tangun myth in history books that took place in the eighties and large number of activities and organizations associated with the faith in Tangun give evidence of the importance of the ideas shaped by the myth of Tangun in the consciousness of Koreans.

Such examples convince that the myths, as a part of the traditional culture, continue to exist and function. Today the content of these myths is changed, and only the items that match the objectives of the time, such as the maintenance of national identity, become significant. Thus, the myths realize their ideological function.

Keywords: the Tangun myth, national identity, *tangi*, *kaecheonjeol*, *honikingan*, image of Tangun.

References

- Grigor'eva N. V. Koroli Khungi i «izobretenie traditsii» v istorii V'etnami [Hung Kings and “invented traditions” in history of Vietnam] // V'etnamskie issledovaniya, 2014, vol. 4. P. 227–249.
- Zabrovskaya L. V. Politika Tsinskoi imperii v Koree: 1876-1910 gg. [Politics of the Empire of the Great Qing in Korea]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1987. 131 p.
- Kontsevich L. R. Drevnekoreiskii mif o Tangune i ego onomastikon [Ancient Korean Myth of Tangun and its onomasticon] // Etnicheskaya onomastika. Moscow, Nauka, 1984. P. 173–192.
- Rudakova I. V. Traditsiya kak osnova konstituirovaniya natsii [Tradition as a basis for the constitution of a nation] // Gileya: nauchnyi vestnik, 2015, vol. 93 (2). P. 198–201.
- Khobsbaum E. Izobretenie traditsii [The Invention of Tradition] // Vestnik Evrazii, 2000, vol. 1. P. 47–62.

Tsumarova E. Yu. Osnovnye napravleniya politiki identichnosti: konstruktivistskii podkhod [The main directions of identity politics: constructivist approach] // Uchenye zapiski of Petrozavodsk State University. Series: Social sciences and humanities, 2013, vol. 2, no. 7(136). P. 36–38.

Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii [Ethnic groups and boundaries. The Social Organization of Culture Difference] / Edited by. F. Barta; translated from English by I. Pil'shchikova. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006. 200 p.

Im Chaeu. Haebang hu tangun insik-ui pyeonhwa-wa munje [임채우. 해방 후 단군 인식의 변화와 문제 // 선도문화. 2012. № 12]. The transformation of the consciousness about Tangun after the Liberation of Korea // Seondo munhwa, 2012. vol. 12. P. 47–71.

Kim Byeonggi. Tangiyeonho-wa taehanminguk imsijongbu [김병기. 단기연호와 대한민국임시정부 // 선도문화. 2012. № 12]. The system of chronology *tangi* and Provisional Government of the Republic of Korea // Seondo munhwa, 2012, vol. 12. P. 73–93.

Kim Uisuk. Tangunsinang-ui hyeongsong-gwa jongae [김의숙. 단군신앙의 형성과 전개 // 강원민속학. 2007. № 21]. Formation and transformation of the faith in Tangun // Kangwonminsokhak, 2007, vol. 21. P. 493–524.

Pak Myeonsu. Tangunsang, jongyo usanginga yeoksajeok johyeonmuringa [박명수. 단군상, 종교 우상인가 역사적 조형물인가 // 크리스천투데이 08.12.2008]. The statue of Tangun is a religious or historical statute // Keuriseucheon tudei. 08.12.2008. URL: <http://www.christiantoday.co.kr/view.htm?id=205654>

Jong Yeonghun. Hangukin-ui jeoncheseong-gwa honikingan inyeom [정영훈. 한국인의 정체성과 흥익인간이념 // 고조선단군학. 2002. № 6]. Korean national identity and the ideology of *hongikingan* // Ko Choson Tangunhak, 2002, vol. 6. P. 145–169.

Jong Yeonghun. Tangi yeonho, kaecheonjeol kukkyeongil, honikingan kyoyuinyeom: hyeondae hanguk-eseoui tangunminjokjuui-ui jedohwa-e kwanhan yeongu [정영훈. 단기 연호, 개천절 국경일, 흥익인간 교육이념: 현대 한국에서의 단군민족주의의 제도화에 관한 연구 // 정신문화연구. 2008. № 31(4)]. The system of chronology *tangi*, national holiday *kaecheonjeol*, the ideology of *hongikingan*: the institutionalization of Tangun-nationalism in Modern Korea // Jeonsinmunhwa yeongu, 2008, vol. 31(4). P. 163–193.

Jong Yeonghun. Kaecheonjeol, keu 'mandeurodjjin jeonthong-ui yurae-wa chui keurigo paegyeong [정영훈. 개천절, 그 '만들어진 전통'의 유래와 추이 그리고 배경 // 고조선단군학. 2010. № 23]. *Kaecheonjeol*: origin, evolution and background of this invented tradition // Ko Joseon Tangunkak, 2010, vol. 23. P. 401–444.

Yang Seungtae. Tangiyeonho-wa tongil: yeonho jejeong-gwa pyeji-ui nam-pukhan jeonchisa-wa yeoksaisik, keurigo tonilgukka-ui jeongcheseong munje [양승태. 단기연호와 통일: 연호 제정과 폐지의 남·북한 정치사와 역사의식, 그리고 통일국가의 정체성 문제 // 한국정치학회보. 2007. № 41(2)]. The system of chronology *tangi* and reunification: enactment and abolition of system of chronology in the political history of South and North Korea and in historical consciousness, and the problem of identity of United Nation // Hanguk jeongchi hakhyebo, 2007, vol. 41(2), P. 25–46.

Kukkapopryeong jeongbo senteo [국가법령정보센터]. Information center of Korean law. URL: <http://www.law.go.kr/main.html>